

Очищение искусством

Размышления писателя о роли творческой интеллигенции

КАЖДЫЙ раз, когда я погружаюсь в раскаленный мир мыслей, чувств этой картины, чтобы понять ее красочный и суровый поэтический строй, философский смысл и образность, мое изумительное сознание уносит меня в сферу иных измерений, и я задаю себе один-единственный вопрос: мы ли это?

Искусство, наконец-то, обрело дар обличения и заговорило сильным голосом о таких вечных понятиях, как добро и зло, любовь и смерть, нравственная ответственность, память и сострадание, вторгаясь в недавно еще запретную зону нашей истории, нашего бытия.

Однако дело тут не только в самом произведении, как явлении искусства, которое честно, с гражданским мужеством исследует трагические страницы истории — время репрессий и страха, разрушения нравственных идеалов, лжи и обмана, а в самой возможности его выхода на суд многомиллионной аудитории.

Читатель, естественно, догадался, что речь идет о фильме «Покаяние» грузинского режиссера Тенгиза Абуладзе, нравственная и художественная позиция которого наводит на размышления о куда более значительных материях, чем зло и его последствия, лежащих в основе содержания киноленты. Именно такое художественное осмысление являясь с возвращением утраченных эстетических критериев и гражданского пафоса требует сегодня наше творчество.

(Окончание)

Начало на 1-й стр.

СЛОЖИЛАСЬ ситуация, когда в нашей художественной жизни невозможно честно, принципиально, открыто дать оценку посредственности, чтобы эта оценка определила судьбу того или иного произведения или творческой личности. Такая ситуация, естественно, порождает изживенчество, отравляет творческую атмосферу, создает благоприятную почву для процветания бездарных людей, приобщившихся к искусству ремесленников.

Этот недуг, трудно поддающийся лечению, глубоко пустил корни в нашей художественной среде. Откуда он появился и почему расширяет зону своего воздействия? Причин много, но назову две, основные.

Первая — связана с невнимательностью к творчески мыслящему человеку, которая получила широкое распространение в годы застоя. В руководстве литературой и искусством в первую очередь применялся, образно говоря, метод выкручивания рук, что, в свою очередь, порождало командно-бюрократическую оценку произведений и творческой личности. Это привело к разрыву живых связей между творческими организациями и деятелями культуры, способствовало возникновению нездоровой творческой и нравственной обстановки.

Необъективная оценка деятельности художника, отсутствие целенаправленного, бережного руководства художественным процессом породили растерянность, недоверие в среде творческой интеллигенции. Все спускалось «сверху»: и то, что надо, и то, как надо. Такое руководство, противоречащее демократическим и партийным принципам, губило живое, наиболее ценное, что было в инстинктах наших произведений, снижало не только идейную, но и эстетическую, и воспитательную силу искусства.

Мы были свидетелями несправедливостей. Некоторые деятели культуры незаслуженно стали «заслуженными», им щедро раздавались почетные звания, грамоты, престижные премии. В то же время многие по-настоящему талантливые и честные художники обойдены элементарным вниманием. Произошло противостественное уравнивание таланта и посредственности, что безнравственно по своей сути.

В течение нескольких лет я был членом республиканских комитетов по присуждению премий им. Махтумкули и Ленинского комсомола. Знаю, так сказать, механизм присуждения наград изнутри. Скажу откровенно: с тяжелым сердцем думаю сейчас о тех годах, когда на каждом заседании приходилось бороться за достойных художников, кандидатуры которых отклонялись далеко не по причине слабости их работ. Кто-то там «наверху» что-то произносил, и этого было до-

МОРАЛЬНО-психологическое состояние общества, как известно, в немалой степени зависит от того, какое место занимают литература и искусство в духовной жизни народа, насколько они способны возродить нравственному возрождению людей. Эту ответственную задачу литература и искусство могут выполнить лишь в том случае, если они будут освобождены от цепей бюрократизма, администрирования и некомпетентности. В этом важном деле, как и во всей нашей жизни, сегодня наступили благоприятные перемены.

Пассивность общественно-го сознания, бездействие, своеволие, как признаки застоя, характерны и для художественной жизни нашей республики, для нашего мышления и развития национального искусства и литературы. Огорчительно, что процесс перестройки, процесс революционного обновления, отказ от догматических представлений идет у нас непростительно медленно.

Чтобы избавиться от укоренившихся привычек и предрассудков, неправильных взаимоотношений, инерции старого мышления, т. е. от всего, что служило источником появления серых, безликих произведений, нам необходимо как можно быстрее страхнуть с себя пыль благодушия и упокоенности. Наступило время испытаний на гражданскую зрелость для каждого художника. И от нашей готовности, желания включиться в борьбу в новых условиях во многом зависит оздоровление и улучшение обстановки в общест-

ве, а следовательно, и в творческой среде. Но именно здесь перестройка по многим объективным и субъективным причинам идет мучительно, болезненно. Не сдают свои позиции носители старых, неверных концепций, убеждений, стереотипов. Конвейер производства продолжает выпускать художественную продукцию в рамках старого норматива. Стиль жизни, работы застойного времени еще сидит в каждом из нас, и печально, что мы не прилагаем достаточных усилий, чтобы скорее освободиться от него.

Я отлично понимаю, что за короткий период трудно, да и невозможно освободиться от состояния всеобщей апатии, произвести переоценку ценностей в наших литературе и искусстве. Потребуется, по-видимому, время, чтобы осмыслить происходящее с нами: почему вместо того, чтобы искать пути обогащения и расширения духовного потенциала национального художественного творчества, мы все еще зачастую тратим силы, энергию, творческое вдохновение на выяснение отношения друг с другом, впадаем в амбицию, интригу, обывательщину. Ведь, в конечном счете, о нас будут судить не по тому, кто возьмет верх в этой крикливой разногласии, а по результату — конкретным произведениям, отвечающим духу перестройки.

ПО ХАРАКТЕРУ своей деятельности мне приходится участвовать в жизни творческих союзов Туркмении — писателей, театральных работников, графиков. Мы стали чаще

собирались на традиционные пленумы, семинары, обсуждать организационные и творческие вопросы, конкретные проблемы прозы, поэзии, драматургии, фильмопроизводства, театра, творческой молодежи. Но порой из этих обсуждений мы не извлекаем ничего полезного.

Критики, вдумчивой, глубокой и профессиональной, со знанием дела анализирующей состояние художественного процесса, у нас почти нет. Тех критиков, которые осмеливаются иногда не соглашаться с общепринятой еще недавно оценкой творчества какого-то художника или конкретного произведения, принимают в штыки, объявляют чуть ли не врагами искусства.

А что происходит сегодня с самими писателями, деятелями театра, кино, композиторами, художниками? Странно, но факт: многие из них не читают, не смотрят работ друг друга, избегают серьезных, откровенных разговоров. Иной раз на совещаниях вместо обсуждения творческих процессов и проблем ораторы отрицают все или почти все, что сделано в области искусства до сих пор. И невольно задаешься вопросом: откуда все это, что происходит с нами?

Могу привести примеры. Прошлым летом Союз писателей Туркменистана сделал робкую попытку обсудить состояние туркменской драматургии. Принципиального разговора не получилось. О многом говорили выступавшие, но только не о главных проблемах жанра, его бедах и болевых точках.

Между тем мы нередко слышим утверждения о том, что нынешний крайне низкий идейно-художественный уровень туркменского театра объясняется неспособностью национальной драматургии решать острые темы, проблемы общечеловеческого характера оригинальными художественными средствами. Трудно не согласиться с подобным мнением.

Но разве дело только в профессиональных издержках драматургов? Те же упреки можно отнести почти ко всей нашей режиссуре — крайне не изобретательной, в основе своей однотипной, бесстрастной, не пробуждающей не только таланта, творческого воображения, но и совести участников творческого процесса.

Требования ослаблены до предела, критерии профессиональной пригодности размыты. Не потому ли успехами национальной драматургии и театра мы восторгаемся лишь в пределах республики. Разве не настораживает тот факт, что за последние 15—20 лет наши театры не подготовили ни одного спектакля по пьесе национального драматурга, ставшего бы заметным событием в масштабе страны? Между тем в официальных отчетах в качестве достижений часто фигурируют спектакли «явления», спектакли «лауреаты», спектакли «новаторы».

Не очень порочна практика истини, сказав, что подобное произошло и в интеллигентной среде, отчасти и в художников и в композиторов, и в кинорежиссеров.

(Окончание на 2-й стр.)

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Очищение искусством

статочно, чтобы исключить человека из списка. До сих пор не могу освободиться от горестного воспоминания об обсуждении кандидатуры композитора Нуры Халмамедова. Его отклонили по причине... «недостаточно прочной гражданской репутации». Как это соотносится с талантом, являющимся народным достоянием, с неповторимой творческой личностью, создавшей бессмертные музыкальные творения, умножившей национальное духовное наследие, с художником, вершившим свой гражданский и нравственный подвиг? Справедливость восторжествовала спустя несколько лет. Нуры Халмамедову присудили премии — и не только Государственную ТССР им. Махтумкули, но и Государственную СССР, присвоили почетное звание. Однако сам получить награды он уже не успел...

Вторая причина — в нас самих, в нашей творческой, гражданской неспособности весьма часто быть мужественными в своей работе, в нашей непоследовательности отстаивания своих позиций и убеждений.

В самые ответственные моменты вместо того, чтобы бороться до конца, многие из нас соглашались часто с некомпетентным, некомпетентным мнением руководства и думали лишь о том, чтобы окончательно не закрыли свое творение. Такое поведение не что иное, как конформизм.

Эта позиция приспосабливая обязывала терпеть и мириться со многими вещами. Наш конформизм породил новый вид деятельности, когда без стыда и совести красилось, корректировалось, переписывалось, усеклось, сглаживалось, «причесывалось» произведение искусства под некий благополучный стандарт, далекий от реальной жизни. Порождал ложь, растлевал души, отравлял нравственную атмосферу не только в художественной среде, но и в обществе.

Разве мы не знали, что, соглашаясь на компромиссы, невольно становились звеном в общей цепи безответственности?

Знали и молчали.

В СЕРЕДИНЕ 70х годов ЦК КП Туркменистана принял постановление о борьбе против калыма. В работу по его выполнению включились и творческие союзы, и учреждения культуры.

Сегодня нетрудно заметить, что результаты этой кампании оказались более чем скромными. Да, телевидение, радио делало передачи, осуждающие калым, драматурги писали пьесы, театры ставили их на своих сценах, писатели создавали произведения, кинематографисты снимали фильмы. А результата нет. Почему? Потому что все это было полуправдой. Калым живет и продолжает калечить судьбы людей и сегодня. Он не имеет, как прежде, открытой формы, он ушел в подполье и этим стал еще более опасным.

Кинорежиссер Ходжакули Нарлиев одним из первых откликнулся на призыв партии восстать против калыма. Он написал сценарий, идейно-философская концепция которого требовала от него глубокого проникновения в зловещую природу калыма как в социально-психологическом, так и в идейно-эстетическом аспекте.

Однако дух кампанейщины глубоко сидит в отдельных руководителях. И они очень хотели отчитаться перед своим начальством о проделанной работе.

Огорчительно, что такой вдумчивый художник, как Ходжакули Нарлиев, согласился на запуск фильма в производство, зная, что по имеющемуся сценарию невозможно сделать полноценную картину.

Попытки приостановить запуск, чтобы довести сценарий до кондиции, не дали результата. Будучи в то время одним из руководителей туркменской кинематографии, я обратился в вышестоящие инстанции с просьбой дать возможность целенаправленно работать над картиной «Умей сказать «нет!».

После завершения съемок нам было указано на необходимость отнестись к фильму в некое временное прошлое. Таким образом картина был назван фальшивый пролог, не имеющий никакого отношения ни к идейному замыслу, ни к драматургии, ни к стилистике

произведения, ни к искусству вообще.

Так произошло не только с кинолентой «Умей сказать «нет!»». Многие туркменские фильмы последних десяти лет были также «причесаны». Отдельные картины, затрагивающие крупные проблемы, общечеловеческие идеи, содержащие мощный поэтический заряд и образно-философский сплав, могли бы умножить славу национального кино, но... В процессе приема этих лент под давлением руководящих товарищей в фильмах происходили необратимые процессы, и на экран выходили очевидные благополучные картины...

СОВРЕМЕННОЕ положение дел в культуре, растерянность, инертность, рутинность, путаница в умах — прямое следствие прошлых и недавних компромиссов. Все это невероятно трудно преодолеть, ибо для этого необходимо в первую очередь изменить психологию художника.

Можем ли мы сегодня быть спокойными за будущее нашей национальной художественной культуры? Вопрос отнюдь не риторический. Молодежь наша в основе своей думающая, тяготеющая к самопознанию и самостоятельности. Ее первые шаги в творчестве обнадеживают поиском, желанием идти своим путем. А все же у нас нет оснований для успокоения.

Многое в молодежи настораживает: повышенная самооценка, излишняя самоуверенность, неумение воспринимать себя в историческом контексте времени и реальном пространстве художественной среды. Они забывают порой, что истинное искусство создается не только профессией. Но об этом — проблема творческой молодежи — необходим отдельный, серьезный разговор.

ОДНИМ из главных назначений искусства всегда являлось очищение, возвышение души человеческой. Тем более важно, чтобы это очищение душ как можно скорее произошло в самой художественной среде.

Сейчас, когда в республике сделаны принципиально важные шаги для оздоровления нравственной атмосферы и раскрытия творческих сил, необходимо откатиться от всего мелкого, косного, что долгие годы падало на нас и было удобно для процветания благопристойной усредненности, для нивелирования личности.

Нужен мощный порыв художнических поисков в глубины сегодняшних мыслей, дел, исследований. Горестно сознавать, но сейчас время опережает нас, тогда как художник должен быть впереди него, подготавливать общество ко дню завтрашнему, помогать человеку в постижении космоса в себе и вокруг себя.

Б. АБДУЛЛАЕВ,
драматург, кандидат
искусствоведения.